

Первая средняя школа города Y и так располагалась на самой окраине, да и Военно-гражданскую академию присмотрели поблизости. Выехав в восемь утра, уже к десяти часам автобусы затормозили у ворот.

Места в академии оказались на редкость живописными. Автобусы припарковались на тенистой аллее, укрытой густыми кронами вековых камфорных деревьев. В самый разгар летнего зноя тут царила благодатная прохлада; легкий ветерок доносил пряный, густой аромат нагретой солнцем древесины.

— Ого, учитель Ван, воздух тут просто чудо!

Класс сопровождали только Лао Ван да учительница английского, Учитель Хэ. Эта миниатюрная, хрупкая женщина, хоть и разменяла четвертый десяток, умудрялась выглядеть потрясающе. Летящее нежно-желтое платье из легкого шифона, изящная абрикосовая шляпка от солнца и вечно игривый, капризно-девичий нрав превращали ее из строгого куратора в обычную студентку, сбежавшую на курорт.

Шумная орава из сорока с лишним человек, гремя чемоданами, высыпала на дорожку. Пока Лао Ван пытался согнать всех в кучу, учительница вовсю щелкала затвором камеры, выискивая удачные ракурсы. В этот момент из глубины парка показались трое молодых людей в камуфляже. Один из них, высокий и плечистый, завидев крутящуюся у деревьев фигурку, принял ее за нерадивую школьницу и гаркнул издали:

— Эй, там, в желтом платье! Твой руководитель строй собирает, а ты где прыгаешь? А ну марш в шеренгу!

Учительница вместе со всей своей оравой на секунду онемела. А затем, мгновенно сменив маску, обиженно вскинула тонкие брови и сиротливо шмыгнула за спину Лао Вана. Тот, давно привыкший к подобным капризам, тут же бросил строй и переключился на утешения:

— Ну-ну, всё хорошо, снимай дальше. Я сейчас пойду и сам всё объясню этим воякам.

Ходили слухи, будто Лао Ван до безумия мечтал о дочке, но жена и во второй раз принесла ему пацана. Ребята частенько посмеивались, гадая, как бы этот строгий мужчина нянчился с маленькой принцессой. Теперь они получили наглядный ответ.

Хотя разница в возрасте между коллегами едва ли составляла лет десять, со стороны они смотрелись точь-в-точь как заботливый отец и его капризная дочурка.

Когда недоразумение разрешилось, троица в камуфляже заметно смутилась. Представившись, они оказались двумя инструкторами и одним старшим инструктором, который должен был

руководить сборами. Ребят отвели в прохладный конференц-зал у дороги, где сухо изложили план занятий на ближайшие десять дней.

На этом первая половина дня, по идее, должна была закончиться.

Разобрать вещи в комнатах, перевести дух, а к тренировкам приступить уже на свежую голову, ближе к вечеру. Гуляй, пока гуляется, лови момент прохлады!

Но реальность быстро показала, что молчание инструкторов вовсе не сулит поблажек. Как же обойтись без традиционной взбучки для новобранцев? Всё, через что в своё время прошли сами наставники, теперь обязаны были прочувствовать на собственной шкуре эти изнеженные школьники. Размечтались об отдыхе? Слишком просто было бы!

Сразу после собрания, не дав даже закинуть сумки в спальни, инструкторы выгнали всю ораву на пыльный плац. Полуденное солнце палило нещадно, а на открытой площадке, в отличие от тенистой аллеи, укрыться было решительно негде. Так они и жарились под палящими лучами. За эти полтора часа их заставили делать всего две вещи: ровнять шеренги и учить строевые песни.

Если с муштрой всё было ясно, то хоровое пение вызвало у всех глухое недоумение. Впрочем, возмущаться никто не смел. Малейшее движение — поправить сползающие очки или смахнуть со лба пот — тут же каралось зычным окриком. Ребята лишь мысленно стонали: за какие такие заслуги на их скромный класс выделили целых трех мучителей?

А секрет был прост: при хорошем бюджете школа могла выписать хоть тридцать надзирателей. Руководство Первой школы не поскупилось на расходы ради закалки характера будущих отличников, но это выяснится гораздо позже.

Строевую песню они разучивали добрых полчаса. И вовсе не потому, что все оказались безголосыми. Как раз наоборот: выходило на удивление слаженно, отчего инструктор с на редкость ехидной миной заставлял ребят орать куплет за куплетом — просто чтобы потешить свое самолюбие. Двое остальных прятали ухмылки, тщетно пытаясь сохранить казенную строгость, что тут же подметили самые глазастые из школьников.

— Инструктор, смеяться в строю запрещено! Накажут! — зашептал один из изнывающих от жары парней.

— Дурак, — отозвался сосед. — Слыхал про двойные стандарты? Начальству можно всё, а нам дышать через раз велено.

— Логично, даже спорить не буду...

Заговорщиков, разумеется, тут же засекли и отправили нарезать штрафные круги по пыльному

стадиону.

Только когда изнуренную голодную ораву привели к дверям столовой, ребята поняли, ради чего сорвали глотки.

Песня перед обедом — железный армейский закон!

— В единстве сила-а-а! — первый аккорд грянул действительно мощно.

—... И засияет над нами солнце свободы! — финальная строчка тоже вышла звонкой. По крайней мере, так казалось самим исполнителям.

Однако подлый инструктор лишь недовольно поморщился:

— Слабовато! Где боевой дух? Ещё раз, сначала!

В его тоне сквозило такое глумливое самодовольство, что ребятам до зуда в кулаках захотелось съездить по этой ухмыляющейся физиономии. Оставалось лишь гадать, какому нечеловеческому насилию подвергался этот тип в свои курсантские годы, раз теперь он с таким упоением отыгрывался на школьниках.

Пришлось орать заново. Когда финальный аккорд наконец затих, у Чжао Жуншуана звенело в ушах, а в пересохшем горле будто насыпали песка. Казалось, бетонная коробка общежития едва выстояла под напором их ультразвукового воя. Но мучения окупились — ворота столовой наконец распахнулись.

Кормили здесь на удивление сытно — убогая столовая Первой школы и близко не стояла. Чжао Жуншуан в два счета умял две порции риса, попутно сокрушаясь, что его не посадили за один стол с Чжоу Цзэвэнем. От досады он вперил тяжелый взгляд в Ло Шуцзина, сидевшего напротив и уничтожавшего еду со скоростью изголодавшегося волка. Тот почувствовал скрытую угрозу своему обеду и мгновенно ошетинился в ответ.

— Чего уставился? — хмыкнул Чжао Жуншуан. — Красивых парней никогда не видел?

Ло Шуцзин подавился воздухом от такой наглости.

Остальные четверо соседей по столу так и застыли с набитыми ртами.

Ло Шуцзин с трудом сдержал гнев, решив не устраивать сцену в столовой. Но когда этот нахал, доев, весело потрусил за Чжоу Цзэвэнем к раковинам для мытья посуды, у него аж зубы закрипели от злости.

Изящные, бледные руки Чжоу Цзэвэня казались слишком тонкими для физического труда — про таких говорят, что они и пальцем о палец в жизни не ударили. Посуду он мыл неловко, но с поразительной, почти медитативной аккуратностью. Чжао Жуншуан успел до блеска оттереть всю свою гору посуды, пока товарищ бережно споласкивал первый комплект.

— Цзэвэнь, ты дома посуду вообще в руках не держал? — хмыкнул Чжао Жуншуан и бесцеремонно забрал у него тарелку. — Смотри и учись, показываю мастер-класс!

Его собственные ладони, тоже крупные и сильные, двигались уверенно. Парой точных движений он прокрутил блюдо под струей воды, протер губкой, и посуда засияла чистотой.

— Вообще-то я мыл посуду дома, просто делаю это не спеша, — тихо отозвался Чжоу Цзэвэнь, забирая последний поднос и послушно пытаясь повторить нехитрый прием.

— Рассусоливаете тут из-за банальной тарелки... — раздался за спиной язвительный голос Ло Шуцзина. Его до зубовного скрежета раздражал этот снисходительный, покровительственный вид Чжао Жуншуана, хотя сам он к грязной посуде в жизни не прикасался.

— Зато ты у нас шустрый! — парировал Чжао Жуншуан. Как раз в этот момент Чжоу Цзэвэнь закончил работу, и Чжао Жуншуан, выхватив из его рук влажную тряпку, швырнул ее прямо в грудь Ло Шуцзину. Наградив соперника уничтожающим взглядом, он увлек друга к выходу.

В столовой их рассаживали строго по шеренгам, и Чжао Жуншуан больше всего опасался, что по такому же казарменному принципу распределят и спальные места. Худшие предчувствия оправдались. Настоящее проклятие: старшим в их комнате назначили именно Ло Шуцзина.

Уж точно, земля круглая, а мир тесен для врагов!

Настроение Чжао Жуншуана улучшилось лишь тогда, когда выяснилось, что Чжоу Цзэвэня поселили в соседней комнате. В конце концов, если не считать Чжэн Юэфаня, именно с ним у Чжао Жуншуана сложились самые теплые отношения в классе. Интересно, а сам Цзэвэнь думал так же? Наверняка да — этот молчун вообще ни с кем больше не общался.

Августовское солнце продолжало беспощадно выжигать плац, поэтому из соображений безопасности тренировки перенесли на три часа дня, дав ребятам время на передышку.

О кондиционерах в комнатах оставалось только мечтать. Единственным спасением служил хлипкий напольный вентилятор, который едва колыхал воздух и предназначался сразу на шестерых жильцов. Чжао Жуншуан всерьез подозревал, что это изощренное издевательство. Кто здесь оказался скрытым садистом — школьная администрация или армейское руководство? Похоже, хороши были и те, и другие.

Спать в такой духоте Чжао Жуншуан всё равно не мог, да и маячивший перед глазами Ло

Шуцзин действовал на нервы. Плюнув на всё, он вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь.

В соседней комнате дышалось ничуть не легче. Староста класса, Сунь Лиян, приоткрыл дверь и преградил ему путь, ворча, что лишний человек — это лишний источник тепла в их филиале ада.

— И ты в этот бред веришь? — Чжао Жуншуан бесцеремонно привалился к косяку, вытягивая шею, но нужного человека не разглядел. Тогда он панибратски закинул руку на плечо старосты: — Слушай, Сунь Лиян, я ведь за тебя на выборах свой голос отдал, забыл? А до меня тут слухок дошел: когда съедется весь поток, старосту будут выбирать заново. Представь, если выдвинется Чжоу Цзэвэнь с его-то бешеной популярностью? Тебе, как временному предводителю, стоило бы уже сейчас вербовать сторонников.

С этими словами он дружески похлопал Сунь Лияна по груди. В этот момент из душевой как раз показался Чжоу Цзэвэнь. Чжао Жуншуан мгновенно потерял всякий интерес к старосте, отпихнул его в сторону и устремился к другу. Сунь Лиян, глядя, как эти двое в обнимку топают к кровати, наконец сообразил, что его нагло обвели вокруг пальца, и мысленно занес Чжао Жуншуана в свой черный список.

«Да этот гад с Чжоу Цзэвэнем спит и видит, как бы занять трон! Если тот выдвинется, Чжао за меня в жизни голос не отдаст!»

— А я-то думаю, куда ты подевался! Оказывается, водные процедуры принимал!

Чжао Жуншуан придвинулся ближе и незаметно вдохнул воздух. От друга пахло лавандой — той самой, которую они недавно вместе выбирали в магазине. В груди сама собой всколыхнулась какая-то нелепая гордость.

— Ну да, за утро взмок жутко, — отозвался Чжоу Цзэвэнь, выдавливая на ладонь солнцезащитный крем. — Не вытерпел, решил смыть всю эту пыль. Тебе тоже не мешало бы намазаться, сгоришь ведь на этом плацу.

Он бросил тубик другу. Чжао Жуншуан перехватил его на лету, но мазаться не стал — небрежно швырнул на матрас. Вместо этого он заговорщицки склонился к самому уху Чжоу Цзэвэня и зашептал жалобным, капризным тоном:

— Я за всё утро ни одной конфеты во рту не держал... Пошли в лавку, а? Сладкого хочется — умираю...

От Чжао Жуншуана веяло чистым, порывистым теплом — запахом летнего ветра и нагретой солнцем кожи, столь свойственным юности. Сейчас, когда пот после изнурительного плаца успел высохнуть, этот аромат казался особенно ярким и живым.

Чжоу Цзэвэнь невольно сжал его крепкое плечо и негромко рассмеялся:

— Инструктор ясно сказал: из корпуса ни шагу. Сколько тебе лет вообще? Сяо Пи и та не закатывает таких истерик из-за конфет...

— Да пошли же, это прямо вниз! Я сам только что выведал!

Чжао Жуншуан мертвой хваткой вцепился в его запястье и увлек за собой. Пробегая мимо старосты, он скорчил издевательскую рожицу:

— Я забираю Чжоу Цзэвэня! А ты сиди тут и проверяй, станет ли в комнате прохладнее без лишнего рта!

На самом деле Чжао Жуншуан слукавил насчет «разведки». Он просто случайно услышал, как девчонки в коридоре шушукались о каком-то ларьке на первом этаже. Но стоило им спуститься, как реальность дала сбой: они кружили по коридорам уже минут десять, а вокруг не было ни души.

Неужели те девчонки провалились сквозь землю?

— И где обещанная лавка? — Чжоу Цзэвэнь скептически приподнял бровь.

— Слушай, Цзэвэнь, тебе не кажется, что это здание строил какой-то безумный архитектор? Настоящий лабиринт! Похоже... я слегка сбился с курса.

Чжоу Цзэвэнь лишь покачал головой, предпочтя промолчать.

«Заблудиться в трех соснах типовой казармы — это, конечно, талант иметь надо»

Чжао Жуншуан беззастенчиво вешал лапшу на уши, мысленно кляня себя за лень. Надо же было сначала спуститься одному и разведать обстановку!

«Вся моя безупречная репутация коту под хвост! Неужели я опозорюсь перед ним из-за дурацкого коридора?»

Но фортуна всё же решила сберечь его авторитет. В самом тупике первого этажа они наконец наткнулись на неприметную дверь. Лавочка притаилась так искусно, что с виду ничем не отличалась от обычных жилых комнат. Чжао Жуншуан пролетел мимо нее раза три, и если бы изнутри в этот момент не выскользнул какой-то парень, они бы точно ушли ни с чем.

Ассортимент состоял в основном из армейских сувениров вроде кокард и пилоток, но имелся и

скромный выбор чипсов и газировки. К их приходу внутри уже толпился народ. Впрочем, покупать никто ничего не собирался — школьники просто крутились у полок, спасаясь от полуденного зноя.

Ещё бы, ведь здесь вовсе работал кондиционер!

Хозяйкой заведения оказалась эффектная женщина лет тридцати с пышными золотистыми локонами. Она сидела за прилавком и уплетала сладкий забродивший рис. При виде вошедших ребят она приветливо улыбнулась. Чжоу Цзэвэнь вежливо кивнул в ответ и направился к холодильникам с газировкой. А вот Чжао Жуншуан, учуяв манящий, чуть хмельной аромат этого десерта, который не пробовал уже сто лет, внезапно почувствовал, как у него проснулся зверский аппетит.

— Здравствуйте, сестрица! — расплылся в обаятельной улыбке Чжао Жуншуан, шагнув к прилавку.

— Привет, мальчики! Ищете что-то конкретное?

— Ага, мне бы две конфеты на палочке!

Чжао Жуншуан ловко выудил из стоявшей на витрине стеклянной банки пару карамелек со вкусом личи, помахал ими перед лицом хозяйки, расплатился, но уходить и не думал.

— Ого, сестрица, это у вас домашний забродивший рис? Запах просто потрясающий, я прямо с порога почуял! Вы сами его готовили? В магазине такой вкуснотищи точно не купишь. Какая же вы мастерица! Вашей семье, небось, невероятно повезло — каждый день такие деликатесы едят!

Хозяйка от такой беспардонной, но чертовски приятной лести так и расплылась в улыбке.

— Угадал! Сама ставила. Хочешь попробовать?

«Рыбка заглотила наживку!» — мысленно возликовал Чжао Жуншуан. Однако, чтобы не выглядеть наглым халявщиком, он тут же включил режим послушного мальчика:

— Ой, а разве можно? Мама всегда учила меня, что негоже выпрашивать угощение у незнакомых, а то подумают, что я невоспитанный обжора...

— Да брось ты! У меня у самой дочка уже в садик ходит, а ты меня всё «сестрицей» величаешь. Уж больно ты ладный да вежливый, мне только в радость тебя побаловать! погоди, сейчас принесу пиалу.

— Ой, что вы, неудобно как! Я же тут не один, со мной еще товарищ!

В этот момент к кассе как раз подошел Чжоу Цзэвэнь с двумя бутылками чая. Хозяйка всплеснула руками:

— Батюшки, а про твоего симпатичного приятеля я совсем позабыла! Стойте здесь, никуда не уходите. Сейчас принесу по порции обоим!

— Ну что за чудо эти мальчишки! — донеслось из подсобки. — Красивые, воспитанные... От таких и второго родить не грех!

Стоявшие неподалеку девчонки-одноклассницы завистливо зашептались:

— Мы тоже хотим попробовать...

Чжоу Цзэвэнь подозрительно покосился на Жуншуана:

— Что ты уже успел натворить?

— Сестрица решила угостить нас домашним лакомством! Заметь, я ничего не просил, она сама расщедрилась, — Чжао Жуншуан картинно вздохнул и невинно захлопал ресницами, безмолвно сетуя на то, что против его природного обаяния устоять решительно невозможно.

Несмотря на спасительную прохладу и гостеприимство хозяйки, Чжоу Цзэвэнь свято чтит свой режим полуденного сна. Повинуясь его привычке, ровно в два часа дня ребята вернулись в душный жилой корпус.

— Цзэвэнь, давай сегодня ночью спать вместе? Я поговорю с парнями из твоей комнаты, пусть кто-нибудь уступит мне койку на время!

Чжао Жуншуан придержал друга за плечо у самой двери, не желая так быстро отпускать его к себе.

— Что случилось? Ло Шуцзин опять до тебя докопался?

Чжоу Цзэвэнь прекрасно знал, что представляет собой этот заносчивый парень. Тот обожал вставлять палки в колеса любому, кто смел встать у него на пути. Но Чжао Жуншуан явно не ожидал, что его порыв истолкуют в таком ключе. На его лице отразилась неподдельная досада.

— Цзэвэнь, посмотри мне в глаза. Я что, похож на беззащитную жертву, которую может обидеть любой желающий? Почему тебе в голову не приходят более очевидные варианты?

Например, то, что мы с тобой по-настоящему близки и я просто хочу спать рядом?..

Глядя на эту трагическую мину, Чжоу Цзэвэнь невольно вспомнил, как его младшая сестренка капризничает в магазине, выпрашивая очередную куклу, и прыснул со смеху. Чжао Жуншуан от такой реакции занервничал еще сильнее. Пытаясь доказать свою мужественность, он резко задрал край футболки, обнажая крепкий живот с четко очерченными кубиками пресса:

— Смотри! Шесть кубиков! Настоящая сталь! Да этот Ло Шуцзин против меня — сопля на ветру! Какой из него соперник?

Чжоу Цзэвэнь, давась смехом, поспешно перехватил его руку и натянул футболку обратно, прикрывая голый живот. Чжао Жуншуан открыл было рот, собираясь выдать очередную тираду, но их прервал испуганный вскрик за спиной.

По лестнице как раз спускалась Линь Аньци. Застыв на ступеньках с огруглившимися глазами, она испуганно уставилась на их возню.

— Слышь, сестрица Линь, тебе посреди дня в своей комнате не сидится? — Чжао Жуншуан лениво обернулся, ничуть не смутившись, и собственническим жестом задвинул Чжоу Цзэвэня себе за спину. — Ходишь тут, пугаешь честной народ. Нашего малыша до заикания доведешь, отвечать кто будет?

Тон Чжао Жуншуана был вызывающе вальяжным. Чжоу Цзэвэнь поначалу решил, что этот шут гороховый называет «малышом» самого себя, но когда его так заботливо укрыли от чужих глаз широкой спиной, до него мгновенно дошло, кто именно удостоился этой чести.

Линь Аньци, судя по всему, с самого начала всё прекрасно поняла. Быстро закивав головой, она забормотала:

— Ой, извините, не мешаю, общайтесь-общайтесь... — и на цыпочках попятилась обратно вверх по ступеням.

Стоило девушке скрыться из виду, как Чжоу Цзэвэнь, окончательно смутившись, процедил сквозь зубы:

— Мне вообще-то шестнадцать лет.

С этими словами он пулей влетел в свою комнату и с треском захлопнул дверь прямо перед носом Чжао Жуншуана, провернув замок в скважине.

«Шестнадцать?»

«Да знаю я, что тебе шестнадцать!» — весело подумал Чжао Жуншуан, оставшись один на один с запертой дверью.

<http://bllate.org/book/20592/2131291>